

Тина АРСЕНЬЕВА,
поэт, искусствовед, журналист
(г. Одесса)

РОМАН С ТОЛЕДО
(письма С. Шелковому)

3 августа 2008 г.

Произведение: «Эль кондор» —

Ого!.. Эпический размах, сквозь века и пространства!.. И какая зримость!! И музыка — ритм — втягивающие. Фреска, чёрт меня побери. Красиво!..

Оживший миф! И парадоксальность возникновения образов — ну, чистый киномонтаж.

Т. А.

7 августа 2008 г.

Произведение: «Сон о Иерусалиме» —

Совершенно. И вовсе не обязательно это об Иерусалиме, а стихи эти — обо всём. Они — Везде! Всечеловечно. Спасибо, Сергей.

Как достойно Вы держите благородную традицию русского стиха. И уже нельзя сказать: «нету их — и всё разрешено». Хренушки — не всё разрешено!! Планка — есть! И за это — спасибо. И плевать — на «овации»: «И под сенью случайного крова загореться посмертно, как Слово...». — Т. А.

12 августа 2008 г.

Вау!.. Сергей, ежели соберётесь в Одессу — извещайте на мой личный э-мэйл как только, так и сразу!!! Я покажу Вам Одессу изнутри! Т. А.

26 августа 2008 г.

Произведение «Размах небес Писаньем млечным вышит...» —

Совпадаю с Вами, Сергей, в восхищении поэтикой Святого Писания: как по мне, это наисовершеннейшее, непревзойденное творение именно Поэзии. Бесполезно биться над разгадкой, в чём секрет неисчерпаемой ёмкости этого Слова. Какие космические ритмы уловлены — даже в несовершенном синодальном переводе. Но вот «гобелен»... рукотворный изыск, — воспринимаю уже как вещь вторичную: опосредованную, — «отражение».

Хотя, конечно... вот как два года назад посчастливилось — в Прадо и к Тиссен-Борнемисам, то — вдруг! — по фиг почти все шедевры: пилилась на соборные гобелены! КАК, каким образом?! — невероятное рукомесло. Благоговейно-религиозное в основе. Какая вселенская гармония. При том — XIV век: пандемия чумы!!! Сравнение с Пикассовой «Герникой»: уродцы какие-то, и кому через 500 годков вспомнится эта их Герника?.. — а всё потому, что Средневековые знавало Того, Кто НАД нами, а XX век всё закрутил вокруг своего пупа... самовыражался, извольте.

И всё же насчёт «плавности» дыхания — по-моему, в Писании оно вулканическое. Т. А.

8 сентября 2008 г.

Произведение: «Пока ещё гепарды листопада...» —

Понравилось — от души. Глубина слова работает по полной!.. Метафизика! Воображение задействовано на всю катушку. Тот случай, когда воспринимающий субъект превращён из потребителя — в соавтора, а уж если эта честь ему не по чину — его проблема... И, также: безупречная музыкальная стройность, красивая (прямо-таки математическая) логика и «лёгкое дыхание». Всё то, чего я всегда деспотически жду и требую от Ваших стихов. «С бездонными влюблёнными глазами, с пропущенными начисто азами, с весёлым отречением от родства», — просто-таки... «жаль, не я придумал»: как Вас угораздило (сиречь, сподобило), Сергей, на такую правду? Как Вы УГАДАЛИ?! Ангел пособил...

Т. А.

14 сентября 2008 г.

Здравствуйте, Сергей! Рада Вашему «интерактивному» письму на «Поэзии-ру». Ага: так Вы, стало быть, к нам — на «Болдинскую осень»? Интересно. Вы уже в ней участвовали раньше? «Смешанные чувства», говорите?.. Ну, да, правильно говорите. Но — пуркуа бы и не па?.. Так мы там с Вами непременно встретимся — я ж, того, блин... милль пардон... информационное обеспечение! Уже обеспечиваю, аж дым идёт!

В любом случае рада буду познакомиться с Вами очно! И обменяться собранием сочинений. Ну, хоть и не полным. Сколько дней Вы у нас задержитесь? Вот если бы несколько, и уведомили бы меня заранее — я бы тут чегой-то сообразила, договорилась, вечерок бы Вам состряпали, — пусть и скромный, потому как одесская публика весьма специфична. Помните старый еврейский анекдот? «Мама, а кто был Карл Маркс по профессии? — Экономист, как наша тётя Циля? — Ну что ты! Наша тётя Циля — старший экономист!». Синдром Циля одесситам свойствен в высшей степени. Но всё равно — я бы сбила тут для Вас какую-никакую публику. Ну, а уж что затащим Вас в компашку, к Стасу Айдиняну либо еще куда — так и не сумлевайтесь, стихи нам читаете, «Каберне» выпьем (в Одессе почему-то любят «Каберне»).

Т. А.

30 сентября 2008 г.

Произведение «*Стоят и дышат розовую пастью...*» —

Сергей, классно. Препарировать не хочется (это у меня насчёт Вас впереди, на той неделе, — вот расплююсь: всё фестивали да премьеры, дайте просвет в культуре, — засяду за Ваши книги и сочиню опус).

Нет, вот так и всплыло детство. Самое любопытное — в стихе поймана отрывочность, несвязуемость, дискретность детских впечатлений — или, быть может, вспышек нашей памяти об этих впечатлениях, — но: всё же детские восприятия сильны и мозаичны, это череда ошеломительных фрагментов, я даже помню такие детские сны, странные, спутанные с явью. В общем — сказочно.

26 октября 2008 г.

Здравствуйтесь, Сергей! И сердечный привет Ирине! Вы там время от времени даёте мне сигналы на сайте, а я себе тут не шалю, никого не трогаю, починаю примус. Спасибо, что ободряете. Даже на сайте комфортнее быть в группе симпатиков... Ну, а все те стишки, — они есть в книгах, что я Вам дала...

Пока что новых не пишу — вот и вешаю прежние. А не пишу оттого, что культура заела: сентябрь-октябрь в Одессе — время сумасшедшее, начало сезона. Еле выпарапалась — думала, свалюсь!..

Сейчас вот пришла с мероприятия в расстроенных «чуйствах». Приехал Ежи Гофман, привез четырехсерийный опус «Украина. Становление нации». Всё абсолютно в русле мифологии СССР, только с конъюнктурно-обратными знаками — плюс на минус и наоборот. Мазепа патриот, а Орлик создал конституцию. Всё же от опуса этого Гофмана я почувствовала над собой психологическое насилие. Ну, я пошла в любимый музей, там Елена Николаевна Шелестова дала мне кофе и конфет, закусилась я отраву... И, насвистывая лихую мелодию из фильма «Огнём и мечом» (она же, в другом варианте, — в «Вавилон-XX»), приехала домой и врубила музыку кельтов...

Кстати, о кельтах. Вчерась открыла том «Лермонтов в воспоминаниях современников», в который раз... Сама не пойму, отчего меня так тревожит этот мальчик и его мистическая судьба. Хотя и из стихов его давно вышла, — они, по сути, для пятнадцатилетних: увы, мой пожизненный возраст, и всё же — стихи его теперь кажутся инфантильными. А вот тревожит же!.. А Елена Николаевна вдруг сегодня и скажи гениально и просто: «Так он же — шотландец». А точно! Шотландский ген сказался, а? — отсюда и фронда нерусская! А мы это со школьной скамьи знаем — и упускаем из виду. Но какая СТРАННАЯ, жуткая, судьба!.. За него надо молиться. Хотя бы стихами...

Стас Айдинян шлёт Вам привет.

Читаю Ваши книги — вот что важное. Точнее, пока что одну, «Певчего». Я въедливый читатель. Но главное для меня — совпадать. Ведь если мне не в резонанс, ни за что себя не заставлю читать, не будучи обязана по работе: например, не могу себя заставить читать Бродского, которого, разумеется, смешно же оспаривать, но вот — не читается!.. Читаю Ваши вещи — даже если что-то цепляет, с чем-то не вполне согласна (контекстуально, смыслово), — всё равно: чтение идет лёгким потоком, как колодезная водица

в глотку. А это для стихов — великий признак. Во всяком случае, в моих глазах. Между прочим, изрядно смысловых совпадений — с моими стихо-пассажами (даже в Вашей прозе): можно бы даже такую игру провести — заметить страницы у Вас и у меня и всё это Вам выслать; для юмора и для интересу. Но пока что времени не было делать заметы — читаю ведь в маршрутках...

Такие вот поэтические дела. Ну-с, с наилучшими... — Т. А.

8 ноября 2008 г.

Здравствуйте, Сергей! Прежде всего — глубоко благодарна Вам за трогательную заботу: что так прониклись моей историей давней давности...

В Одессе ныне расчудесная золотая осень — большая редкость для этих мест: здесь нет осени как промежуточного сезона, а тянется хроническое вялотекущее лето, пока внезапно не прыгнешь из сарафана в дублёнку, а зелёная листва вдруг прижухнет и обвалится. А нынче — колорит!.. Все оттенки меди, бронзы и золота. Под ногами завалы листьев, от тополиных — запах обалденный. Сегодня вечером, кабы Вы вдруг вышли на улицу около шести часов, то увидели бы дивное явление — ярчайшие Юпитер и Венера на юго-западе, далеко друг от друга, но на совершенно пустом небе глубокой синевы, — ну, чисто вам два брильянта на темно-синем бархате, уж простите сию пошлятину. Венера стоит низко и быстро прячется за домами.

Пока что ничего не сочиняю — тоже заботы держат за горло, плюс домашние проблемы, — сынок у меня 19 лет... Ну, и работа жрёт. Вот иду себе вечером и думаю: «А вот у поэта — всемирный запой, и мало ему конституций!». Так ведь неинтересно одной-то в запой пускаться. А компании здесь... ну, нету в них дионисийского начала, — просто любит народ удовольствия, а мне это ску-ушно... И потом — ГОРОД: некуда сбегать — клаустрофобия давит! Побережье препохабнейшее, всё в кабаках...

Ну, пришла домой — плеснула каберне в бокал, закусила конфетами (ноу-хау — житомирские: в чём, в чём, а в сладостях — я дока). Как хорошо, что сегодня суббота и можно ничего не писать в газету (а в понедельник меня ждут разборки — копаться в чужих конфликтах, и сочинять потом опус, причём от тебя ещё и ждут, что ты будешь третьейским судьей, — сразу всех предупреждаю: не буду, — и полагают: «газета выступила — что сдела-

но?...». Глупо. Но... — «в поте лица станешь добывать хлеб свой!» А тут ещё и кризис. Бумага газетная дорожает несусветно... А куда можно ото всего этого сбежать? Я ушла бы в монастырь, будь я способна к жизни в коммуне. Однако эта солдатчина не для меня, цыганки-монахини. Совесть, зараза, уж больно свободная... Куда ещё? Разве что — ТУДА: ногами вперёд. Самое интересное в этом исходе — момент сюрпризности...

Щас, пожалуй, поставлю дивидишку — всё равно по ТВ один негатив. В десятый раз пересмотрю «Внутреннюю империю» Дэвида Линча. Не видели? Рекомендую. Гениально! Я уж думала, в наши дни невозможны никакие новации в области кино, да и какого бы то ни было искусства, — ситуация постмодернизма-с, — ан, нет: этот анфан-террибль такое утворил, что я полтора года назад ушла с сеанса на подгибающихся ногах. Никто до него не сумел так залезть в человеческие мозги. Причём именно в мозги: в помыслы, память и воображение, — он никакого фрейдизма не признаёт, никакого «подсознания». Смотрели Вы его же «Маллхолланд Драйв»?.. Пожалуй, я не знаю более сильного фильма о взаимоотношениях искусства и реальности, о риске Художника, чем «Внутренняя империя», — даже Вайда с его «Всё на продажу» отдыхает. А уж Голливуд он в этих двух фильмах размазал, Великую американскую мечту, Фабрику грёз, — да наши совковые киноведы должны были бы зарыдать от глубокого удовлетворения. Я вообще люблю творчество Линча... Это Гоголь кинематографа, местами даже Достоевский. У него Америка — «фантастическая» именно в достоевском смысле.

Даст Бог — не отринет меня Муза, продолжу летний цикл «Благослови мимоидущего» (в нем уж три десятка стихов, кажется), — нужен какой-то толчок... минута мечтательной праздности, адресалинчику малость!..

Сергей, если Вы читаете мой «Путь и дом», — можно, я Вас спрошу одну вещь? Не затем, чтобы набиться на комплимент, — мне интересно (действительно, интересно), как непосвящённый человек воспримет (и воспримет ли) эту штуку: в ней есть существенный недостаток — она слишком привязана к биографическому контексту, к субъективным аллюзиям; она, собственно, вся на аллюзиях, но — понятно ли, О ЧЁМ речь? Там, чтобы понять, надо быть В СИСТЕМЕ. В конкретной! Десять лет назад один молодой человек прочел — и понял совершеннейше, потому что был — из системы. Я имею в виду цикл «Noli me tangere» (кстати: название, идею подсказала — Е. Н. Шелестова). Там всё — «по поводу»: понятно ли, по какому?..

Не оставляю надежды нахально заявиться к вам в Харьков, и чтоб не откладывать в особо долгий ящик. Но пока что я должна решить проблему с Шёнгенем, который мне запорол испанское посольство.

Огромный привет Ирине. С большущей симпатией, — Т. А.

19 ноября 2008 г.

Здравствуйте, Сергей! Огромное спасибо за письмо.

Вчера мы наконец-то собрались тесным кругом у Айдиняна, потому как он наладился в отъезд в конце месяца. Пили лёгкое розовое мускатное вино (таировское; это был когда-то в Одессе такой знаменитый ученый-винодел, однофамилец великого режиссера, и теперь еще не развалился винодельческий НИИ имени Таирова)... Ну, стихи немного читали, Стас показал забавную запись телевизионного интервью: он же тут присяжный краевед, знаток местной интеллигентской среды и старинных одесских фамилий до энного колена, а с академиком Филатовым его родители дружили (отца, Артура Айдиняна, оперировал). Смешно было то, что ведущий передачи (говорят — бывший карточный шулер с отсидкой, — а?!) всё пытался раскрутить Стаса на воспоминания об одесском блатняке, а Стас всё въезжал в аристократические эмпиреи, и пребывали оба собеседника в совершенно разных параметрах. Хотя Стас уверяет, что мальчишкой знал и классический молдаванский блатняк, ещё в 60-х–70-х жили колоритно-реликтовые одесские уголовники-евреи, изъясняющиеся на манер персонажей Бабеля. Но как раз сей аспект Одессы для него менее всего значим, и справедливо. Вообще наш Стас дивное создание, напрочь к жизни не приспособленное и вусмерть богемное. Память — феноменальная, и он, по преимуществу, на мой взгляд, мастер устного жанра: в нем помирает некто, равноценный Ираклию Андроникову, Стасу бы свою программу на ТВ! — Ну, когда шулер-ведущий (ну, Одесса!..) начал его пытаться насчет «женщин» и «семьи», мы все дружно грохнули смехом. Стас шарахается от дамы, как только таковая намекнет на матримониальные претензии, — и правильно делает: «Я, — говорит, — не добытчик». Сейчас в Москве под редакцией Стаса выходит двухтомник по 810 страниц — полные воспоминания Анастасии Цветаевой (те, что были изданы в СССР, урезаны: Стас говорит, из 70 страниц подчас оставляли 10). Любопытно ведь, да? Мне вот в Москву

хочется. Но... никак не решу дел с Шёнгеном (а это, как для меня, немалые деньги, кроме времени). Ольга Ильницкая едет в Москву сегодня. После обследования, которое намерена продолжить в Москве... Дал бы Бог ей — прорваться с наименьшими издержками.

Насчёт своего цикла, про который спросила: понятно ли со стороны? — чуточку разьясню. Получилось поэтическое изложение того, что задолго до меня сформулировали в прозе. Вообще-то этот цикл — страшная вещь (ежели кто вник в систему). В тот год я попала в о-чень нетривиальную, скажем так, романтическую коллизию, которую восприняла адекватно — метафизически. Причём до такой глубинной степени, что годы спустя наша здешняя знаменитая настоятельница православного монастыря Серафима, большая умница, — мы в очень дружеских отношениях (жаль всё же, что она не католичка), — выслушав, серьёзно повторила дважды: «Крыша могла съехать». Это, в смысле, у меня. Но — ничего... А тогда, в 1995-м, как раз начали издавать Розанова, — вот я у него и прочитала, пост-фактум и уже написав много, кроме «Noli...», — всё объяснение... Теперь у меня его томами полка забита. Не всегда, разумеется, соглашаюсь с его запальчивостью в выводах (впрочем, выводы у него сиюминутны), но в целом-то он зрит в глубочайший корень — дело идёт о метафизике христианства, а она-то, поверьте, страшна. Так вот, когда-то я решила сделать польский подстрочник этого цикла специально для отца Станислава и попросила мальчика-ксендза, который со мной польским языком занимался, поправить ошибки. И этот парень — ПОНЯЛ. Ещё не зная даже всех тонкостей русского языка!.. Понял — о чём. Возвращал рукопись — очень грустным выглядел. Да-а уж... а исходный, сюжетный, материал — это был, видите ли, психологический поединок такой страшной силы, такая вольтова дуга меж полюсами: Монах — Поэт, — что округа искрила. И, с Божией (!) помощью, я отстояла — и себя: поэта, — и достоинство, перед Богом, поэзии. Которую, если вникнуть в самое ядро дела, монашество из Вселенной — вычеркивает. При этом, как ни парадоксально, сама-то я из системы не выпала, не ушла. При глубоком осознании, насколько она страшна, фактически непереносима для мира. Ну, вот, пофилософствовала о себе-любимой... чего там. Пишите, не пропадите из виду. Тёплый привет Ирине. Ваша цыганка-монахиня, ТА.

13 декабря 2008 г.

Здравствуйте, Сергей!

Неделя, как я вернулась из поездки: запрошлую неделю провела в Венгрии, через турбюро, — надо было лишить невинности новый загранпаспорт, теперь планы простираются дальше и контрабандой, выгорит дело — тьфу-тьфу-тьфу! — расскажу... Поездка понравилась, — с оговоркой, конечно, что это не знакомство со страной, когда тебя тащат по ней волоком. Ну, Будапешт особенного впечатления не произвел, он значительно уступает Праге, аура старины выветрилась, — говорят, мол, разбомбили в 45-м, а справедливее сказать — перестроили гораздо раньше, так что и восстанавливать особенно нечего было. От души понравились их термальные купальни — ради этого стоило туда ехать. Вышло, что не только утомительная беготня, но ещё и курорт. Думала — какого беса сидеть в Сечени четыре часа? — а оказалось мало! А в Тапольце ва-аше почувствовала себя горной принцессой — в воде под сводами пещер, грандиозных, не хуже крымских, причем у камня цвет — моей руки: прислонись и становишься каменной. Понравился мыс Тихань на Балатоне, живописнейшее место; забавно, что в тамошней обители 4 послушника и один настоятель, а на мой вопрос, чё ж так, мальчик-экскурсовод снисходительно заметил: «А вы бы хотели пойти в монахини?» — как будто это обязательство. Да я, глядя на такое благодатное место, ей-ей, захотела бы, только вот монастырь мужской! В разваленной же Вышеградской крепости живо вообразила себя дамой, ожидающей рыцаря из Святой Земли, — вышла эдак на башню, да-а-алеко-о-о видно!.. В Сентендре купила парочку марципановых ангелов — не чтобы есть, а я их коллекционирую, потому в игрушечной лавке тоже купила. Там уже на площади сооружали соломенный вертеп...

Времени было в обрез — в Национальный музей на Площади Героев заскочили за полтора часа до закрытия, там великолепная коллекция Северного (моего любимого) Возрождения и Испания 15-го века — такое, что выпало даже из мадридских коллекций: видимо, Габсбурги пригрели...

Полдня мы провели в Вене (ехать-то 4 часа в один конец). Собственно, здесь начинается Европа, до Австрии всё — предбанник. Ну, Вена, разумеется (тот единственный район, который нам показали), грандиозна и великолепна несмотря на эклектику. Архитектура — та же «мазанка» (как в Одессе), но как вылизано

всё — это же немецкий орднунг! Тут сблалась мечта идиотки — я увидела Брейгеля!!! Там ещё была грандиозная выставка Ван Гога со всей Европы, но очередь стояла чинная, как в Мавзолей, а у меня свободного времени два часа. Пришлось похерить кумира юности Ван Гога ради Брейгеля, которого всё же ценю выше и которого потом увидеть нуль шансов. Рванула в музей, где на лестницах ни одного зрителя, так что бежала, чуть ли не сшибая чинных немцев, с воплем: «Во ист Питер Бройгель?!». Ворвалась в зал — самоощущение: попала в рай! Неопишное чувство. Там забыться и помереть. Помирала впопыхах...

Что до Святого Стефана — от души понравилась колокольня, чистейший образчик пламенеющей готики. Но... ни один из этих соборов не тянет супротив грандиозного Толедского катедрала, занимающего изрядный квартал! Особенно не дотягивают центральноевропейские соборы — по духу. В соборе первое дело — дух, не так ли? Невзирая на то, что игла Св. Стефана достигла 136,7 метров, а колокольня толедской Нуэстра Сеньора всего 92 метра. В готике существенный момент — каменная повествовательность. В Св. Стефане мало сохранилось скульптуры (или её изначально было мало), голый портал, витражи тоже не сохранились. А толедский Вирхен Мария — Священная история в камне: читать Библию нет нужды! Это скульптурные композиции порталов, фасадов, капелл, ретабло, это древние витражи, это резные скамьи 15-го века — композиции на историческую тему... всего не описать, там история дышит в лицо. В общем, всё — впечатления, а Испания — рана в сердце!

Но всё равно это было очень мило, а готику я люблю до одурения; хотя полдня для прогулок — суцая профанация. Купила себе в соборе книжечку про Вену на русском языке и махонькие итальянские чётки. Такая, значит, память. Дабы отметить, съела в кафешке пирожное со взбитыми сливками.

Вот, кстати, разница: когда-то Высоцкий пел: «Купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал». А весёлая карнавальная Европа дерзко колет Господа Бога в зад остриями соборов, чтобы не соскучился и чаще вспоминал...

Что до поэзии, то, когда говорит путеводитель, музы молчат. Увы, нет у меня описательно-лирических наклонностей. Надо бы, для писания, пожить — принюхаться... Семь лет назад, когда была в сердце Карпат, ни строчки не родила — по сей день, — хотя впечатление было потрясающее, абсолютно мистическое, — думала: умирать сюда приеду. Но... там можно разве что сочинять

японские трёхстишия, каковые на русской почве считаю неуместными. Существует, вообще, полнота бытия, исключаяющая потребность в отражениях.

Ах, да, ну, и ещё — вино. С загулом в чарде с художественной самодеятельностью и целым интернационалом за столами, от Японии до Франции. Под конец с нами очень хотел познакомиться подвыпивший ирландец, из речи которого мы поняли, что он — НЕ англичанин, он ирландец, как мы — не руссо, а украино. Ирландца утатила за шкуру жена. Вино было знатное, особенно, по мне, токайское (ностальгическое: пили в театральной компании, подумать только, четверть века назад), погреб возрастом 350 лет в чёрной плесени — потрясно. И злость на Евросоюз: они, со своей плано-колхозной экономикой и квотами, заставляют венгров вырубать виноградники, представляете?! А мы нашим Горби возмущались и совковыми чинушами в Крыму... Поистине, мир во зле лежит. Давайте же выпьем!..

Такие дела!.. Большущий привет Ирине. — Т. А.

23 декабря 2008 г.

Произведение: «Я в силах лишь оставить примечанья...» —

Сергей, впечатление — мощное. У вас чудный лиро-эпический дар (ну, прям как «драматическое сопрано» в опере — голос для суперсложных партий, да?): вот во мне совершенно нет эпического начала и восприятия оногo, и науку историю не люблю — факты запоминать... тем более ценю сей редкостный дар в Вас: быть чистым лириком — в контексте истории, социума. И какая многозначная, ёмкая образность!.. Такое претворение факта — в переживание!.. Класс, что скажешь! — Т. А.

9 февраля 2009 г.

Здравствуй, Сергей!

Вот уж и Валентинов день на носу, и Сретенье, восточное. И я собралась с духом состряпать письмо (на работе). Всё это время приводила в порядок свои испанские фотоархивы. Увлекательная работа, и ты всё ещё как будто — там. По приезде 14 января свезло — простудилась, свалила на больничный, больше десяти дней сидела дома и упорядочивала снимки — вот ведь повезло, не

вдруг мордой в родину!.. С неких пор я далеко не патриотка. И очень даже скорблю по причине того обстоятельства, что, как словесник, нигде в мире на фиг не нужна. И у себя в стране тоже. Когда шаталась по Вильнюсу, вполне счастливая, — прелестный незнакомый город, и я совершенно одна, с ним тет-а-тет! — поймала себя на вопросе: а отчего ещё мне так комфортно? — и поняла: а я мовы не слышу! Это я-то, которая не только не знаю «языковой проблемы», но, оказавшись в западных областях, и думать начинаю на украинском!.. Достали, представляете?! Кабы я на этой мове что умное и дельное слышала!.. — В Вильнюсе аж никакой идиосинкразии к русскому языку, щебечут они там по-русски, как чижики, даже двадцатилетний молодняк, и без малейшего акцента, причем между собой — по-литовски, и тут же за-просто переходят на чистейший русский, что означает: этот язык в ходу в семьях. Я там болтала с таксистами, с аборигенами во дворах (потому что я и все подворотни обследовала), с продавщицами ювелирки. Похоже, что тамошний народ уже чувствует, что нахлебался нэзалежности. Раздерибанено всё, промышленность гавкнулась («Кризис может быть там, где есть экономика, — сказал мне житель Вильнюса, — а где её нет, какой кризис?!»). А Евро-союз наложил квоты — заставил изничтожить рыболовный флот и разрезать и сдать в металлолом частные лодки. Но умницы литовцы на последнее не пошли — выходят в море на своих лодках с удочками по восьми крючков и таким манером имеют на бригаду тонну рыбы за смену. В общем, это были волшебные два дня до Европы и один после. По костёлам нашаталась — от души: их там едва ли не больше, чем жилых домов, и есть прелестные. Конечно, говорить о готике после испанских кафедралей — смешно, как вообще применительно к Польше (Вильнюс, всё-таки, польский город). Но есть такие тёплые, интимные, стройные зданьица!.. В одном, самом старом, чистейший романский стиль, францисканский монастырь, я даже осталась на литургию с причащением. И дважды побывала у Богоматери Остробрамской. Налобовалась на янтари, — кто их только покупает, цены баснословные, на сотни евро! а магазинов — десятки! вот загадки фиктивной постсоветской экономики! — ну, подцепила себе ниточку на лотке: нельзя ж — впервые в Прибалтике, и вернуться без янтаря.

30 декабря полетела в Амстердам! Там меня подхватила испанская компания: сестрёнка с мужем, племяшка с бойфрендом, его брат и их родители, а также голландский муж того брата, с чем родители, правоверные католики, после первичного шока, смири-

лись: примем как есть, что поделаешь. Это был волшебный Новый год! В первый же вечер почувствовала себя Девочкой со спичками. Город выглядит грандиозно — благодаря широким каналам, это придает ему размах, хотя племяшка моя утверждает, что Амстердам совсем небольшой. Конечно, мы покатались на катере. Побывали на знаменитом приканальном рынке. Закатывались во всевозможные кафешки, — испанцы просто так бродить не любят, обожают посидеть в кафе. Ели страуса (тяжеловатая пицца, — думала: или я его, или он меня съест) и кенгуру (это полегче). Старый год провожали в испанском ресторанчике, с устрицами и горячими креветками, и, разумеется, с кастильским вином, равного которому теперь не знаю. Там Новый год в ресторанах не встречают — персоналу тоже хочется праздника, и всех посетителей выставляют оттелева в пол-одиннадцатого ночи.

Встретили Новый год на хате: под бой курантов у испанцев принято съесть 12 виноградин, и мама наших мальчиков загодя подготовила виноград для всех в вазочках. Потом пошли шататься по городу, а это опасное предприятие: в новогоднюю ночь можно остаться без глаз - без ног - без головы, потому что на улицах начинают рваться петарды и шутихи, причем сразу пачками и дорожками; какие-то разрывные устройства вдруг срабатывают в сиденьях припаркованных велосипедов у тебя перед носом; внезапно взрывается дорожка под колёсами припаркованных автомобилей, и целы ли после этого шины, это проблема владельцев, а в этот момент по взрывающейся дорожке шурует велосипедист, которого угораздило...

В общем, если выживешь в новогоднюю ночь, проживёшь ещё год. Наутро город дико замусорен, завален ворохами бумажек от петард. Но, к чести аборигенов будь сказано, оторвавшись по полной в Новый год, в следующую ночь этих забав не продолжают. Кстати, об аборигенах: в Амстердаме уже более 60 процентов населения не голландцы, не к восторгу последних, а мова общепотребительная — английская. Были мы и в музее Ван-Гога, ничего себе хоромы стеклобетонные отгрохало отечество непризнанному гению. Конечно, это чудесное посещение. Удивительно: все работы Ван-Гога, при таком глубоком трагизме его мироощущения, излучают такую положительную энергетику! Даже работы периода Сен-Поль, — безумия. В этом человеке было много любви, вот в чём секрет...

Были также в художественном музее: облом!.. выстояли на холде очередь, как в Мавзолей, а громадное здание, оказывается,

на реконструкции, скареды-голландцы выставили пару десятков картин, ну, «Ночной дозор» Рембрандта, — и чё в нём особенного, просто постигаешь, что живопись была в те времена чем-то вроде шоу: надо же, изобразил совсем как живых!.. Что до воспеваемой рембрандтовской светотени, то впечатление такое, что она появилась в советском Эрмитаже как следствие неподобающего хранения шедевров, — в амстердамских картинах её просто нет, она обыкновенная, как у прочих художников того времени!.. без эффектов. Или, может, их реставраторы перестарались? Так-то: ценности культуры относительно и преходящи!..

А затем... неделя в Испании: свидание в тюрьме! Тут моя муза умолкает. Думала лишь: мне — не снится?! Влетаю под арку Бисагры (крепостная башня) — и... крышу рвёт к чёртовой бабушке. Всё!!! Как кошка под валерьянкой. Нет, Сергей, с суровым Толедо не сравню никакой город земли. Ну, не видала я Парижа и Рима, конечно... но что поделать: влюблена, как кошка. Буквально — расцеловала камни! Но — три дня!.. Боже ж ты мой, лихорадочное счастье. А потом мы решились на авантюру — поехали в Севилью. Тоже три дня: Севийа-маравийа, чудесная. Кстати: нет в Севилье такой памяти о Дон-Жуане, как Ла-Манча помнит Дон-Кихота. Несмотря на то, что первый был реальный персонаж, а второй выдуман. В Толедо и по всей Ла Манче Дон-Кихот — «брэнд»: памятник в Мадриде (Сервантесу, с громадными статуями), скульптура на равнинах, «маршруты Дон-Кихота», музей в Тобосо (!), изображения в керамике, даже брелоки. А в Севилье — молчок; правда, где-то есть памятник, мы на него не вышли, но это так, туриста ради, а вообще впечатление, что Севилья — начхала: Севилья больше Дон-Жуана, а вот Ла-Манча вся — в Дон-Кихоте. Вот и прикиньте, какая слава и какая любовь чего стоит. Для испанца Дон-Жуан — обыкновенный засранец-беспредельщик, по заслугам отправленный в ад; это русские поэтические извращения, начиная с Александра Сергеевича, его романтизировали.

...Моё возвращение на родину было озаглавлено формулировкой: открываем — «за что?», — а вот за то самое, щас объясню; два года назад подметила, теперь подтвердилось. Центр Киева (как и Одесса, как и любой город богоспасаемого отечества) заплёван так, что приходилось вихлять тяжёлым чемоданом на колёсах, — уж очень не хотелось колесом в плевок угодить. Испанец, даже в глухом обывательском пуэбло, — бывала! — НИКОГДА не плюнет на свою землю. Он её кровью соотчичей заливал — да, но плюнуть!.. Гордый народ — предпочтёт, чтоб его ножом пырнули,

чем в лицо плюнули! Земля Богом дана во временное пользование — а эта сволочь (нашенская), именующая себя народом, на неё — плюёт?! Значит — прокляты. А когда вступает в действие закон возмездия, вступает в силу и закон больших чисел, и тогда ничья субъективная невинность в расчёт не берется. И мы с Вами тоже попадаем под раздачу. Как и невинные младенцы. Вот так. — Вошла в купе поезда, а там из динамика: «А нам всё равно, а нам всё равно!..» — вот ей-ей, нэ брэшу!!! — Вот вам и трагедия поэта, да-с.

Соберусь с духом, вышлю ещё фото, да? А может, как-то вырвусь на три денька, а? разопьем вино Ла-Манчи!.. — Пишите! На сайт пока что не суюсь — было некогда!.. Ирине привет!!! — ТА.

24 апреля 2009 г.

Здравствуйте, Сергей! Спасибо за ободряющие письма-поздравления. Вам и Ирине — наилучшие пожелания к праздникам, прошедшим-наступающим-ожидаемым! Пишу уже с работы. Вернулась домой 20 апреля. Две недели АБСОЛЮТНОГО счастья!!!

Роман со старым Толедо! Бурный! «Семана Санта» — Святая Неделя: это потрясающе. Приехала к Вербному Воскресенью — у них: «Пальмас и Рамос», «пальм и букетов», — правда, пальмы там, вроде как в Крыму, малочисленно-подсаженные, и пальмовые ветки в процессиях искусственные, зато «испанская гвоздика» натуральная. Воскресенье выдалось солнечное, была красивая процессия «въезда в Иерусалим». И посчастливилось — катедраль осветили по такому случаю и позволили делать фотографии, уж я там нащёлкала, а потом ещё и книжку купила (раньше такой не продавали). Мне там очень нравился Архангел Михаил эпохи Возрождения, но он всегда в темноте, а теперь я и его запечатлела. Между прочим, зимой купила себе очень недурную «цифру», так что мои фото надо смотреть на компе с хорошим светоразрешением — получились классно (у меня дома и на работе мониторы старые, снимки выглядят тёмными, на самом же деле там даже на ночных всё отлично видно). — Литургия в катедрали, представляете?!! Жаль, что клуатр уже два года закрыт на реставрацию. Там в городе вообще постоянно что-то латают, подновляют. А теперь высочайше повелели ободрать штукатурку со старинных домов, потому что Толедо знаменит своей неповторимой каменно-кирпичной кладкой «мудехар» (на фотографиях она видна), а шту-

катурки там подчасросло в палец, а то и в три. И в некоторые уличные щели теперь не сунешься — такая стоит строительная пыль, что уже на подходе в горле першит, а в щели рабочие стеночку дерут! Это большая и долгая работа, а уж как обдерут всё, что надо, то этот, в общем, суровый город предстанет в наисуровейшем, пасмурном, совсем средневековом обличье!

Главное: КАКАЯ АТМОСФЕРА!!! Это невероятно. Сразу теряешь ощущение времени: оно там начинает течь в каком-то другом измерении, как в горах. Этот город — наваждение. Здесь к вам на дом и сегодня может явиться статуя Командора. Здесь вы можете нарваться на женщину роковой, смертельной недосыгаемости, не зная на то, что толеданки очень уступают нашим по внешним данным, — но вот именно здесь легко вообразить «подвиги» Дон Жуана. Очень живо можно себе представить поножовщину молодцев в бархатных беретах где-нибудь в такой вот уличной щели, из которой смыться можно мгновенно и бесследно — улицы раздваиваются на каждом шагу, а то и расщепляются натрое. И все — крутые, горбатые, кривые, и все тебя кружат!

И тишина — сопоставима с той, что в горах! Каменное безлюдье. Собственные шаги отдаются в ушах, хотя туфли без каблука. Ветер в ушах гудит! Кто не бродил по этим районам, а ограничился туристическими (которые, конечно, тоже потрясающе колоритны, плюс артесании!), — тот не видел Толедо. Надо идти в знаменитые «Собertizos», но туристы не знают, что это такое, хотя они обозначены на указателях, — а я уже туда в прошлые разы забредала, а теперь прочесала все их сознательно и методично. Это — воздушные галереи между корпусов монастырей, длинные каменные тоннели-улицы (я вам прислала ночной образчик). Монастырь — это толеданская градообразующая! Мне сейчас — простите — даже лень подыскивать слова. Но это похоже — словно ты в горах. И, как тишину в горах не нарушают, а утверждают: шум потока, звон коровьих колокольчиков, — так и здесь: оглушительные, в каменных расщелинах, рулады канареек (народ их во множестве на окнах держит). Либо — однажды — на крутом каменном уличном склоне, в глухих стенах (улица — в распорку раскинутых рук), вдруг — пение петухов! Представляете? Монастырских. Затем я зашла в музей церкви Санто Доминго и увидела там в дальнем зале надгробие белого мрамора: прекрасный юный рыцарь XIV века с полуулыбкой внутрь себя. И надпись: Дон Хуан. Но не Тенорио (тот же век!), — фамилию я записала в блокнот, — неважно. И над мёртвым, мраморным, прекрасным,

улыбающимся, — петухи: на разрыв глотки, в черёд, — из монастырского двора за тяжёлой, наглухо, дубовой дверью!.. Разумеется, я сделала снимки, — зрителей не было поблизости!

Прочесала я старый Толедо (старый-старый, — чувствуется! — но... с таким высочайшим достоинством старого идальго!) так, как его не обошёл, наверное, ни один местный уроженец. Дотошно выяснила, где какой монастырь, где какой храм. Уточнила всю топографию: шла до развилок, выясняла, куда ведут, записывала и... возвращалась обратно на исходные точки, чтобы таким же манером обследовать другое направление. Если бы кто наблюдал — обхохотался бы, но вокруг было пустынно (это — обожаю!!!). Этот город сплетен улицами, как кольчуга: вроде они и не по кругу, а — кружат! Вдруг, на другой день, выясняешь, что некий объект, к которому шла долго, путано и увлекательно, находится в двух шагах от какой-либо центральной магистрали! Но разве при этом пожалеешь о проделанном пути?! Уж напрыгалась по толедским куэстам, бахадам, травесиям и кайехонам, чисто по карпатским склонам. С лёгким дыханием! А уж как заговоришь, склеивая немногие не разбежавшиеся из памяти слова, с аборигеном на улице, — как же тебе навстречу расцветают улыбкой: «вивчаеш мову»!..

Творческий результат — опять 600 снимков, которые предстоит упорядочить. Мне теперь зазубрить все записанные в блокноте названия и маршруты — в экскурсоводы подамся!..

Вот «мову» бы освоить... что для меня проблематично: времени — в обрез; а как дойдёт до разговора, так он же всегда не на ту «тему», которые последовательно даются в учебнике!.. Эх, пожить бы в языковой среде месяца три — я бы пошла семимильными шагами, да кто меня с работы отпустит?! А курсы — тоже не выход: невозможны они при моем ненормированном дне газетчика!.. Зато произношение у меня, чувствую, в норме (в «кастейано» оно не такое уж простое), — не зря язык выворачивала...

...Процессии Страстной недели — отдельная песня! Все они — ночные, главная, сводная, — пятничная. Это потрясающе! Конечно, это — театр, в котором «актёры» — прихожане разных парафий, но... есть нюансы нешуточные. Например, несение на плечах двухтонных носилок с фигурами: обычно — на специальных платформах, провезти которые в уличных щелях, по крутым склонам, тоже большое искусство, — но в пятницу только на плечах! И несение тяжелых крестов. Иной раз — босиком: по обету. И — барабанный бой: в этом сжатом каменном русле, — душа содрогается!.. Я сделала несколько фрагментов видео — ради

барабанов: тембр, конечно, искажен, но представление о ритме можно получить. В натуре же — мороз по коже! Это не так, как у Феллини итальянские процессии, — это молчаливо, мерно, величаво, мрачно. В Севилье (по телевизору были прямые репортажи) ещё и кантаоры поют — но в Толедо лишь раз, поднимая над толпой Распятие, в динамик дали запись «канте хондо», вот это отчаянное «ай-ай-ай-ай», — вообще-то в Толедо этой традиции нет, Толедо веками не пел и не плясал, а молился; а в окрестностях Сарагосы конёк — именно барабаны: в них на Страстной бьют сутками, последний из зафиксированных рекордов — 100 часов кряду (на одного исполнителя), и на барабанной шкуре — пятна крови: барабанщики сбивают себе костяшки пальцев...

...И ещё — мечта! — Тахо: уж облазила, на пару с сестрой, в камышах!.. Какие там склоны — это сущий горный Крым! Есть такие карнизы — дух захватывает: тропинка превращается в такой себе подвесной мостик, а над головой глыбы, да с угрозой обвала!.. Умылась водичкой Тахо — чтобы вернуться...

И — оружейные дела: оказывается, у Толедо, помимо «Властелина колец», на совести и «Гарри Поттер», и «Пираты Карибского моря», и «Царство небесное», и «Последний самурай», и уж не помню что. Можно приобрести хоть меч Арагорна, хоть кинжал Фродо, хоть лук Леголаса, — правда, дорого; вообще, мечи — от 30 до 400 евро: в зависимости от марки стали и тонкости отделки. Толкинута там вообще рискуют рехнуться окончательно.

Нет, это странный-странный-странный город, в нём время остановилось. А улицы всюду пахнут... душистым мылом. В темноте проворные невидимки в комбинезонах тянут шланги и моют мостовые швабрами. Никакая машина там не протиснется. Я часто наблюдала, как ёрзает на месте игрушечный грузовичок, меньше старого пикапа, пытаюсь вписаться в поворот. А уж как бродишь по разным «кобертисос», так моли Бога, чтоб не блондинка за рулём: откажут тормоза либо, опять же, в поворот не впишется, — по стенке же размажет! Толедо — сплошной экзамен на вождение.

А на склонах Тахо — вполне нашенький (ближе к крымскому варианту) бурьян! Сурепки там всякие. Запахи. Речка пахнет. Дома я запахов не чувствую. Даже моря. Вот сейчас — цветущую вишню понюхала: пыль, и только. Раньше, недавно, пыль — это было со второй понюшки, первая, всё же, — цветком пахло. Дожили экологию!..

Ну, что говорить о возвращении: я пессимистически смирилась с тем, что мы живём в пещерном веке. Во всех отношениях.

Технологическом, психологическом. Унизительно. Потому как, если выступаешь за границей представителем страны, то ведь невозможно же объяснить тамошнему своему брату интеллигенту элементарные вещи!!! Не вписываются они в его нормальное рациональное (как у меня, на мою беду) сознание. Они там говорят, что Украине и рыпаться нечего в Евросоюз, что сначала надо меж собой тут разобраться и что вообще нам уже необходим генерал Франко. Я с тоски и сама не прочь, но Франко был знаменит тем, что сам не воровал и подчинённых отвадил, а у нас разве такой может уродиться?! Я поглядела на уровень жизни (скромный, по тамошним меркам, да и по нашим тоже: никаких там «ковров-гарнитуров») «простого инженера» и его жены, косметолога. Сергей, да кабы я там так работала, как здесь, то имела бы квартиру в историческом Толедо, квартиру в Мадриде, два автомобиля и ежегодную поездку «дикарём» на выбор от Камбоджи и Таити до Мексики и Аргентины с севера на юг!..

И вот ещё штришок, вызывающий у меня всегда особенную злость: наши здешние умники, пошоркавшись по Европам, бубнят, что Европа гнивает и что они там все жадины — даже, мол, гостям стол не накрывают. Они, наши просветлённые, даже не берут в голову, эти наши духовные-душевно-широкие, что в них говорит непреходящее, генетически закрепленное, голодание! Вечно голодные славяне, при таких-то чернозёмах и водных ресурсах! Как поясните в Европе: который год у нас ныне рекордные урожаи, а село нищее, драное и голодное?! Извечная наша добродетель, и высшее счастье, и понятие о празднике — пожрать досыта и гостя накормить!.. Не знаю, как там немцы, а испанцы тоже гостей кормят. Если заранее пригласили — готовят всякое, а если ты вдруг ввалился — бутербродики там соорудят, то да сё. Так вот, ежели я просто НЕ ГОЛОДНАЯ, ежели дома холодильник набит, при том, что то, что здесь малодоступный деликатес, там — просто еда, — то полезет мне этот бутербродик в рот?! Будем общаться, беседовать, фотографии смотреть, коллекции камней, — именно общение, не заради пожрать!.. Другая психология — НЕ голодные!..

Ну, чего уж там... видно, суждена мне как поэту безысходная неосуществимая любовь. Город N. Условно зовется — Толедо. Глядишь — и стихи таки напишу. Кажется, всё-таки напишу. Когда — не знаю. У меня «Кармен» в свое время в голове вертелась от задумки до воплощения года три: ощущение есть — слов нет, покуда вдруг не прорвалю, с интервалом почти в год... и так ведь бывает. Когда придут СЛОВА — не ведаю. Но, похоже, придут.

Ещё раз — с праздниками! А вино-то (привезла) приберегу. Даст Бог — всё же свалюсь к вам в... «город Ангела», да? — Ваша Т. А.

13 сентября 2009 г.

Здравствуйте, Сергей! Искренне поздравляю с выходом книги. Адрес высылю, только вот нынешнюю почту есть ли твёрдая надежда?.. А что там в Харькове поделывал Борушко? Как по мне, вся его эта поэтически-фестивальная контора — богадельня графоманов... впрочем, если он и побывал в Одессе, меня здесь не было, а и была бы — отказалась бы «освещать»... Я только что, ночью, вернулась из отпуска. Конечно — из Испании! Это была третья авантюра за год, причем грандиозная: оцените храбрость, — визу мне сделал Фонд греческой культуры, с которым дружу как журналист, и подалась я через Афины! Конечно, лететь через Афины и не повидать Акрополь было бы преступлением, и я забронировала себе номер на три денька. Шутка юмора в том, что по-гречески я могла произнести три слова, спрошенные у заробитчан в самолете: ясас, паракало и эвхаристо, — по-английски же и того меньше. Так, уже привычка реагировать на знакомые иероглифы в аэропортах... Но ничего — прорыла носом всю «историческую» часть Афин, и трёх дней оказалось более чем достаточно! Если Вас тянет на экстрим, если Вам по душе Гарлем и трущобы, а паче если Вы собрались снять фильм о бедных влюблённых, обитающих на дне общества, то Афины в самый раз! Совершеннейшая жуть. Бетонные страшилища, да такие, что наш одесский «Поскот» — посёлок Котовского с девятиэтажками — просто, в сравнении, изделие Корбюзье! И окна там не мыты с античных времен. Да их и мыть-то мудроно — знаю по нашей офисной восьмизэтажке. В довершение всего изнутри видны какие-то картонные свалки, как будто эти дома давно необитаемы. Тротуары выглядят так, будто на них долго лили мазут и солярку, а потом тщательно размазывали; для полноты впечатления недоставало разбросанной по мостовым жжёной металлической стружки, потому что весь центр Афин напоминает заброшенную заводскую территорию. Я обалдела, углядев, в конце концов, что мостовые некоторых улиц — из белого мрамора, а площадь Монастираки вымощена цветными ящиками!.. Эллинский инстинкт красоты никак не угомонится: всё и вся размалевано граффити, кажется,

до верхних этажей. В конце концов я нашла какие-то стародавние улочки вокруг Акрополя, где строений за кафешками не видно, и не Бог весть какая старина... но хоть что-то. Вот что роскошно — парки: настоящие священные рощи. В иной снаружи сунуться страшно, до того дремуч. И трогательная забота о путниках: во всех музейных комплексах краники с водой, вкусной, как криничная. Потому что там надо всё время пить. А так — жары не ощущаешь. Ну, конечно, Акрополь впечатляющ, — правда, к Корам на сотню метров не подойти, — и великолепен парковый комплекс Гефеста с храмом и всякими обломками. Я нащёлкала кучу фоток, на снимках афинское безобразие облагораживается. Побывала в музее византийской культуры. Хорошо, но мало. Посмотрела и обфотографировала византийские храмы... Не-е, предубеждение у меня, грешницы, к православию, и тут я к случаю убедилась: Греция — не Европа!.. Дух полного пофигизма прямо-таки разлит в воздухе. Однако под ноги себе, в отличие от наших соотечественников, не плюет даже эмигрантское чёрно-жёлтое сомножество, которым Афины набиты до отказа. Греки, таки да, хороши собою, гипшпанцы далеко не таковы, вообще испанские типажи напоминают одесские (юг), но более однообразны и землистый оттенок кожи несмываем — всё-таки зной.

А потом — милые душе моей сосны Ла Манчи!.. Нет, Сергей, влюблённые глаза не насмотрятся. Это был настоящий любовный угар. Сколько вижу Толедо — неотвязно: «какая глубина, какая стройность», — и лучше не сказать. Какой монументальный город! И атмосфера — как во святые места попасть: какое-то намоленное пространство. Там всё наше мирское обесценивается вмиг... даже при осознании разницы между туризмом и эмиграцией. Я ещё и альбомы листала: да этот город буквально подняли из руин, там в начале XX века вместо иных крепостных башен были груды камней. И мощения нынешнего из речных галек не было. А однажды ночью увидела освещённую катедраль — так просто чуть не померла: вот хотелось о мостовую башкой биться! Какая же красавица, и как, думаю, я стану жить без тебя!.. Я потом Вам снимки вышлю... надо их сначала уменьшить. Вот, вообразите: тридцать девять градусов в тени, пятьдесят на солнце, а я по пять-шесть часов кряду, не присаживаясь, на крутых толедских горочках круги наматываю; потому что в Каско (историческое ядро) солнце не заглядывает, там благодать, жары я не боюсь; и перенесла её, как и предполагала, несравнимо легче, нежели одесские плюс тридцать с их сыростью. — А после меня повезли в Каталонию. По

полной программе: Коста Дорада, Коста Брава, Барселона, Гауди (ниж: гений!), Дали и его мемориальный музей с захоронением (ну-у, этот приколист — достал!.. в одном, правда, я оказалась права — всегда говорила, что это, по характеру и манере, чистейше театральная живопись, и тут прочла его высказывание: «Я, прежде всего, театральный художник»). Замок Галя, с могилой (грустно). И ещё — гора Монтсеррат: потрясение! Если Вы там не были — вот стихи на сайт скину (надо ещё их «проветрить») и Вам — фото: прикинете, что это... Ну, разумеется, и Саграда Фамилия — восьмое чудо света...

Вот, какие дела. А теперь, как писала Брижит Бардо, — зарабатывать на мою собачью жизнь. Однажды постараюсь — хотелось бы — выбраться: но газета-пожиратель так просто не отпускает... Будем надеяться!.. Сердечный привет Ирине. — Т. А.

30 сентября 2009 г.

Произведение: «Понеже каторжанская держава...» —

Сергей, очень сильно. Казалось бы, что можно ещё, сверх написанного, писать о судьбе поэта... ан, можно слова найти! Точные и новые. Сие мне в поучение. Лирика про нашу «державу» вообще вещь для автора опасная... потому как на язык мировой культуры непереводаема принципиально. А Вам удалось сказать универсально! «Горе — пустыни нет для поэта...» (это — я-любимая, да? вот опять мы с Вами совпали в образах — не в методе, что и хорошо!).

Огромное спасибо, книги получила. Прочее — по личной почте.

26 марта 2010 г.

Произведение: «Как славно улыбается собака...» —

Мне просто понравились стихи. Потому что — хорошие. «Зелёные» Вам, Сергей, должны осанну петь, и убежденные вегетарианцы — тоже! А я Вам на «личку» сейчас пошлю, в качестве приза, фото пиренейского волкодава — здоровенная собацюра, размером, как сенбернар, и очень добродушная с людьми.

Тут вот одна моя давняя знакомая, искусствовед и хороший человек, вегетарианка (помните музей — абстракциониста Олега Соколова?..) перестала со мной разговаривать и искренне возне-

навидела, узнав, что я была на корриде да ещё и фотографировала процесс. Вот и ломай голову, в чём состоит у вегетарианцев пресловутая любовь к ближнему и живому! Я же никогда не скрывала, что мясо ем... Как прикажете относиться к таким проявлениям? Лично я — с улыбкой. А стихи мне понравились — как СТИХИ! Ну, держите портрет пса — по e-mail!..

26 марта 2010 г.

Произведение: «Железные слова пряморастущих башен...» —

Сергей, опять тот случай, когда «на слово не здобутися», просто и сердечно: чудесно, и особенно — поздравляю с третьим!!! Ну, вот, просто — застыла в изумлении, как оно бывает, когда налетаешь на нечто НАСТОЯЩЕЕ. «Вот оно!...». И именно — налетаешь: не оно возникает, а ты — с разбегу... и принимаешь, как собственное открытие.

Внезапный момент истины. Порадовали!!! — Т. А.

20 мая 2010 г.

Произведение: «И у белой хоругви поют, как в раю...» —

Сергей, ну, изумительно! Вот прям бальзам на душу. Тёрпко, словно... бездонный бокал чёрной «Эстоль»!!! (Бог даст — ещё разопьём). Вот каждое слово — радует. И такая точность (ма-те-ма-ти-чес-ка-я строгость ЧУВСТВА)!!! Вот тот счастливый случай: не разбора полетов и не «взаимообогащения собратьев по цеху», а... ну, вот, вроде как мы и не знакомы вовсе, а есть факт бытия стихов, которые просто — берёшь и читаешь, берёшь и читаешь!..

Т. А.

5 января 2012 г.

Сергей и Ирина, с Новым годом! С Рождеством!!! Здоровья, радости, взаимопонимания, любви, дружбы! Творчества и своего круга воспринимающих! Извините, что сижу в подполье. Сергею — спасибо за книги и сердечные пожелания вдохновения! И ещё: как говорят в Одессе (а мне нравится) — чтоб на вас напали деньги: ну, хоть иногда.

Сергей, не манкируйте здоровьем, не будьте легкомысленны в отношении себя, навещайте товарищей докторов. Ибо, надеюсь, Вы ещё не всё сказали!..

Ирине, смиренной жене Поэта, оставаться философски стойкой. И в дальнейшем — столь же красивой, какой я её узнала.

...Я сейчас кропаю стишки, но выкладывать не тороплюсь — пусть отстоятся. Полагаю, что после праздничных каникул обнародую.

У нас теплынь и туманы. На праздники накупила калачей и будем трескать. В Одессе всегда продают рождественские калачи на каждом углу. А в Толедо тоже теперь калачи — роскош де рейес, калач королей (королей-волхвов), только мне не есть.

Ангела-Хранителя вам! — ТА.

31 января 2012 г.

Здравствуйте, Сергей и Ира!

Книги Сергея получила, огромное спасибо. Обязательно ознакомлюсь детально. Поздравляю. Сама я сейчас замотана работой (как обычно), и ещё стишки пытаюсь писать... Так что одурение — по полной. Приехала О. Ильницкая. Презентовали второй номер «Южного сияния» в Литмузее... ну, это было нечто. Хотя там и Вы, Сергей, десятком стихов отметились (очевидно, как участник фестиваля в Крыму).

От Стаса Айдиняна из Москвы привет. С наилучшими!.. — ТА.